

Содержание

От автора.....	5
Введение: Восток и Запад	7
Методология: интродукция.....	11
Конфессиональная ситуация и политическая идеология на Ближнем Востоке	17
Крест над Востоком	22
Монофизиты и несториане.....	25
Католичество в Сирии	31
Разнообразие форм униатства.....	32
Партийное строительство	38
Разнообразие форм полумесяца.....	41
Сунниты и шииты — проблема единства уммы.....	41
Религиозная оболочка политики.....	49
Ибн Таймийя против аль-Газали	51
Суфии	57
Вера и военное дело.....	60
Вера и образование	63
Ваххабиты и «арабская весна»	82
Основатель	85
Первая попытка.....	87
Ваххабитский реванш	90
Внутренняя политика саудовского режима.....	93
Внешняя политика саудовского режима.....	98
«Братья-мусульмане» и «арабская весна» в Египте	118
Политэкономия и религия	119
Запрещенные.....	127
Кто привел «Братьев-мусульман» к власти?	128
Звезда и крах «Братьев-мусульман».....	130
Шиитский реванш.....	137
Исмаилиты и создание Индии и Пакистана	157
Фатимиды	164

Низариты	172
Индия и Пакистан	182
Йемен и шииты-зейдиты	184
Сирия: Искусство религиозной политики и ремесло религиозной политики.....	187
Алавитская проблема.....	192
Наследники Ибн Нусайра.....	195
Основатель	198
История алавитов.....	199
Восточный вопрос.....	203
Доктрина или философия?.....	207
Современная Сирия.....	217
Друзы и Палестина	220
Заключение	236
<i>Приложение. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 2 июня 2017 г.).....</i>	<i>242</i>

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come from the
ends of the earth!

(О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает!)

Редьярд Джозеф Киплинг

Может, там веселей и богаче
Ярче краски и лето теплей.
Только так же от боли там плачут
Так же в муках рожают детей.

Андрей Сапунов

От автора

Несколько лет назад на одном международном политическом конгрессе при принятии итоговой резолюции разгорелись острые многочасовые дискуссии по модели типа «сцеживать блох, но пропускать верблюдов» — споры шли по смыслу отдельных слов, причем делегаты из разных стран просто понимали их значение по-разному. Такое часто встречается, но всегда очень скучно, и редко, когда важно. Автор этих строк, сидя в уголке рядом с депутатом ливанского парламента, прокомментировал этот долгий и малополезный процесс так: «Я — публицист, и к словам отношусь легко», на что собеседник ответил: «А я — ученый, и к словам отношусь серьезно», но, очевидно, отнесся к дискуссии, которая приняла уже откровенно филологический характер (о нюансах коннотаций слов в различных языках), с явным раздражением.

Автор подходил к написанию этой книги, исходя из принципа: «Я пишу для того, чтобы меня читали, а не чтобы со мной соглашались». Чем больше возражений встретит эта работа, тем ближе она будет к цели, которую ставил перед собой автор.

Появление любой новой религии, особенно, дожившей до наших дней, несомненно, представляло собой революцию в истории человечества, и также несомненно, как мне хотелось

показать, оно отражает и придает религиозную форму происходящей одновременно социальной революции.

Любая революция очень плохо сочетается со здравым смыслом, и в любом исследовании на такую тему выводы, как правило, одинаковые — «причина потрясений в том, что консерваторы были слишком консервативны, революционеры слишком революционны; исторические эксцессы, именуемые гражданской войной, могут быть в будущем избегнуты, если собственники будут великодушнее, а голодные умереннее». Книга с такими тенденциями, резюмирует блестящий русский памфлетист, хорошо действует на нервы, особенно в эпоху мирового кризиса.

Говоря о религиях и их развитии и социальных перерождениях, мне хотелось вскрыть социальную обусловленность событий истории религий независимо от того, приятны или неприятны они были. История религий вряд ли должна быть свалкой для моральных прописей.

Любой автор надеется на снисходительность критиков, но в данном случае чем больше мы будем спорить о написанном, тем лучше.

*Саид Гафуров,
декабрь 2018*

Введение: Восток и Запад

Есть две красивые поэтические метафоры о Востоке и его соотношении с Западом. Одна, правда, уже всем набившая оскомину, из «Баллады о Востоке и Западе» Киплинга про то, что «Запад — есть Запад, Восток — есть Восток, и вместе им не сойтись». На самом деле, Киплинг, который очень хорошо чувствовал Восток, не утверждает, что им не сойтись. Он задается вопросом, удастся ли им сойтись вместе, склоняясь, следуя контексту, к положительному ответу. И многие востоковеды и африканисты разделяют эту точку зрения, работая в этой парадигме концепций.

Но у меня всегда было внутреннее чувство несогласия с этим подходом. В современной рок-поэзии есть определение, которое гораздо точнее отражает баланс Востока и Запада: «Только так же от боли там плачут, так же в муках рожают детей». Практический опыт показывает, что если аккуратно исходить из этой позиции, то можно гораздо лучше понимать Ближний Восток и, что много важнее, точнее прогнозировать будущее и планировать действия на восточном направлении.

Это другая позиция, которая исходит из того, что мы все люди, что мы все принадлежим к одному биологическому виду и наше поведение, в общем-то, стандартизировано, подчиняется одним и тем же законам. Высшая нервная деятельность у нас одна. Дети у нас рождаются общие. В конце концов, мы можем совместно делать дела и вести бизнес.

Регион Ближнего Востока всегда занимал центральное место в международной политике. Невозможно сбрасывать со счетов, как геополитическое значение этого региона и его жизненно важную роль в мировой экономике, так и его важнейшее культурное и религиозное значение, причем не только как центра исламского мира, но и как важнейшего центра христианства.

«Каждый человек, — пишет замечательный русский историк, — переваривает пищу и окисляет собственную кровь. Но

не каждый человек решится написать трактат о пищеварении и кровообращении. Не то с общественными науками. Так как каждый человек живет в условиях рынка и в историческом процессе вообще, то считается, что достаточно здравого смысла для упражнений на экономические и собственно историко-философские темы. От исторического труда требуют обычно только «объективности». То, что носит это торжественное наименование на языке здравого смысла, не имеет на самом деле ничего общего с научной объективностью. Филистер, особенно если он отделен от арены борьбы пространством и временем, считает себя возвышающимся над борющимися лагерями, — уже по тому одному, что не понимает ни одного из них. Свою слепоту по отношению к работе исторических сил он искренно принимает за высшее беспристрастие, как себя самого он привык считать нормальным мерилom вещей.

По этому ключу пишется слишком много исторических работ независимо от их документальной ценности. Притупление острых углов, уравнительное распределение света и теней, примирительное морализирование, при тщательной маскировке политических симпатий автора, без труда обеспечивают историческому труду высокую репутацию «объективности».

Задаваясь вопросом, как прогнозировать политику и экономику стран Востока, автор этой книги давно для себя решил даже не пытаться заниматься прогнозированием интриг и действий политиков на личностном уровне. Мне кажется, правильнее ограничиться — и, поверьте, этого более чем достаточно (для того, чтобы и государство, и бизнес не жалели денег на заказы научно-исследовательских работ) — анализом и прогнозом социально-экономических процессов.

По последствиям даже в краткосрочной — до года — перспективе этого вполне достаточно, чтобы не ошибаться в своих решениях, причем причины тут чисто методологические — социально-экономические процессы прогнозировать не очень сложно, а вот чтобы прогнозировать личностные решения, нужно быть не глупее акторов. Но ведь Эрдоган, Трамп, Башар аль Асад или, например, Путин намного умнее меня, и трудно просчитать их решения, не обладая их талантами.

Но легко можно просчитать проработку вопросов, которые готовит их аппарат. Это дело нехитрое именно потому, что бю-

рократический аппарат везде — и на Востоке, и на Западе — работает одинаково, подчиняясь одним и тем же законам бюрократического существования.

Является ли ориенталистика самостоятельной наукой или же только приложением социальных наук к определенной, ограниченной области исследования? Еще Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такие теории, по его мнению, являлись как бы науками второго разряда, хотя как-то не очень хочется считать себя специалистом по второразрядным вещам.

Востоковедение — и это очень важно понимать — это прикладная наука, цель которой вовсе не изучение текстов (как бы ни было это интересно и занимательно), а анализ общественных отношений в некоторых популяциях человечества.

Язвительный философ и футуролог Станислав Лем писал о бытующих и в самой, в том числе, академической среде предрассудках о науке: «Пригласил он тогда к себе конструктора Клапауция, представил его машине и так долго расхваливал ее необычайные способности, что тот разозлился втайне и попросил, чтобы и ему разрешили приказать машине что-нибудь сделать.

— Изволь, — сказал Трурль, — только это должно быть на букву «Н».

— На «Н»? Хорошо. Пускай сделает Науку.

Машина заурчала, и вскоре площадь перед домом Трурля заполнилась толпой ученых. Одни потирали лбы, писали что-то в толстых книгах, другие хватили эти книги и драли в клочья, вдали виднелись пылающие костры, на которых поджаривались мученики науки, там и сям что-то громыhalo, возникали странные дымы грибообразной формы, вся толпа говорила одновременно, так что нельзя было понять ни слова, составляла время от времени меморандумы, воззвания и другие документы, а чуть поодаль сидели несколько одиноких старцев; они беспрерывно мелким бисерным почерком писали на клочках рваной бумаги.

— Ну, скажешь, плохо? — с гордостью воскликнул Трурль. — Признайся, вылитая наука!

Но Клапауций не был удовлетворен.

— Что? Вот эта толпа и есть наука? Наука — это нечто совсем иное!

— Так, пожалуйста, скажи, что именно, и машина тут же это сделает! — возмутился Трурль. Но Клапауций не знал, что сказать, и поэтому заявил, что даст машине еще два задания и если она их выполнит, то он признает, что все в порядке.

С. Лем

Политический импрессионизм, то есть стремление обобщать текущие впечатления на будущее, сам по себе в общем случае неправомерен. Происходящие события могут оказаться исторически флуктуациями, случайными отклонениями от общего курса исторического развития — например, Иммануил Валлерстайн говорил, что вообще все формы существования современного глобального капитализма могут быть акцидентальными, возникшими из случайного стечения обстоятельств, и альтернативная современность легко могла бы принять и иные формы. В 20-е годы XX века, если бы кто-нибудь заявил, что к концу века голосом обездоленных станут исламисты, на него бы посмотрели с удивлением.

Тогда левые доминировали, а политический ислам обслуживал интересы богатых помещиков, купцов и финансистов, да так, что считавшегося на тот момент самым богатым человеком мира духовного лидера исмаилитов Ага-хана избрали председателем сессии Лиги Наций. Шиитские аятоллы, существовавшие на так называемый хумс — обязательные пожертвования средств, предоставляемых из своих доходов верующими шиитами, обслуживали тех, кто платил, а платили богачи. Суннитских же лидеров, бросивших во время Первой мировой войны весь свой авторитет на защиту Халифа Правоверных — турецкого султана, вообще на тот момент можно было в контексте защиты обездоленных и не рассматривать.

Хотя, конечно, именно исламские юристы должны были обеспечивать юридическую защиту беднякам, но на практике они были настолько полезны колониальным властям в части колониального и полуколониального ограбления мусульманских стран,

что именно британские, французские и голландские колониальные власти обеспечили сохранение шариата во всех его разновидностях, поддерживая всячески разные исламистские элиты, да так, что кодификация друзского и алавитского мусульманского права была осуществлена при поддержке французов, а исмаилитского — во всех его направлениях — англичан (в Индии).

Можно по-разному к этому относиться, но хороший востоковед должен не испытывать симпатий и антипатий к предмету своего исследования, следуя завету Спинозы — не плакать, не смеяться, а понимать!

«Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?»

Бл. Августин

Методология: интродукция

У различных социальных групп имеются свои классовые, национальные и местные интересы. При этом господствующие группы склонны считать свои интересы неразделимыми

с государственными и общенациональными и прибегают к помощи всей государственной машины для их защиты.

Но всякая борьба за интересы той или иной социальной группы может вестись достаточно планомерно и сознательно, только когда определены и уяснены ее цели. Приведенное в систему целеполагание формирует определенный идеал данной группировки, его можно назвать «программой», иногда они восстанавливаются только историками; редко когда существуют в письменном виде в силу своей одиозности, гораздо чаще их оглашают в умышленно искаженном виде, чтобы иметь возможность втянуть в данную группировку возможно большие массы. Именно так и формировались религии, а позднее — идеологии политических партий.

Вокруг разницы двух подходов к анализу специфики Востока — акценте на унификации человеческого поведения или акценте на его разнообразии — всегда возникают дискуссии, причем не только философские, но и практические. Видный военный теоретик А. А. Свечин как-то подметил, что если вообще общественное бытие и определяет общественное, а следовательно (человек — животное социальное), и индивидуальное сознание, то в некоторых сложных сферах практической деятельности общественное сознание на целые века отстает от жизненных достижений:

«Существуют правила и законы речи, из которых складывается наука грамматики; существуют известные экономические отношения, из которых складывается наука политической экономии — своего рода экономическая грамматика; наконец, существуют известные законы мышления, его грамматика — логика. Но не видим ли мы правильную речь, предшествующую изучению грамматики; не усматриваем ли мы в историческом прошлом экономической политики, отвечающей определенным экономическим интересам, задолго до рождения политической экономии; не встречаем ли мы здравомыслящих людей, никогда не проходивших курса логики?»

Из этого вовсе не вытекает необходимости исключения грамматики из школьной программы. Некоторые считают, что каждый ответственный государственный деятель должен обладать хотя бы элементарными сведениями из политической экономии. В век всеобщей полуграмотности и Интернета посто-

янно приходится напоминать, что, «не отрицая права на самостоятельное мышление со стороны лиц, не изучавших логику, мы непременно включим ее в программу образования лиц, стремящихся выступить с самостоятельной критикой философско-экономических доктрин».

Это понятно: знакомство с грамматикой, политической экономией, логикой может помочь нам при работе в соответствующей области избежать многих ошибок и не изобретать постоянно новые велосипеды, «позволяет быстро схватывать отношения, разгадка коих иначе потребовала бы от нас многих усилий и, может быть, даже вовсе не далась бы нам». Важно то, что при распаде СССР отечественная ориенталистика смогла сохранить преемственность: российские политологи — это наследники кафедр «научного коммунизма», российские социологи — наследники кафедр «исторического материализма», российские «макро- и микроэкономисты» — наследники кафедр политэкономии социализма, тогда как востоковеды оставались востоковедами.

Серьезная философия XXI века утверждает, что великая дискуссия западной (и отчасти исламской) философской мысли об универсалиях завершена. Прогресс в человеческом знании в области нейрофизиологии, психологии, науки о языке решил эту великую проблему в пользу «номиналистов»: в реальном мире абстракций не существует. Существуют только реальные объекты, которым можно приписать три пространственные и временную координаты.

Абстракции существуют только в человеческих языках, то есть в системе сигналов высших приматов вида гомо сапиенс, использующихся для координации их совместных действий. Хотя, конечно, они очень удобны для применения в целях сокращения (или редукции) количества передаваемой информации при общении людей между собой.

И применение мною в этой работе абстрактных терминов, таких как «исламская цивилизация», «западная цивилизация» или просто «цивилизация», безусловно, накладывает на понятия дополнительные ограничения.

Строго говоря, вопрос «что такое цивилизация?» не имеет права на существование. Вместо него стоит формулировать так: как используется слово «цивилизация» той или иной популярностью людей.

Но современная наука утверждает, что для успешной коммуникации людей между собой термины должны обладать рядом строгих свойств — непротиворечивостью, воспроизводимостью — разные люди должны на основании одной и той же информации приходиться к одним и тем же абстракциям, робастностью, то есть независимостью от выборки. Рассказывают, что семьдесят переводчиков Септуагинты заперли в семидесяти комнатах с текстом Библии на древнееврейском языке, а когда их открыли, они предоставили семьдесят идентичных переводов.

Произойдет ли такое чудо, если семьдесят специалистов по «исламской цивилизации» запрут с одним и тем же фактическим и статистическим материалом? Очевидно, что сам факт наличия сотен пониманий термина «цивилизация» и тысяч рекомендаций и применений цивилизационистов на основании одного и того же эмпирического материала лучше всего отвечает на вопрос об адекватности наших прогнозов такому элементарному научному критерию, как воспроизводимость результатов исследования.

«Недостатки схоластического метода, — пишет, как бы в этой связи, Бертран Рассел, — аналогичны тем недочетам, которые неизбежно возникают, когда упор делается на “диалектику”. Недостатки эти сводятся к следующему: безразличие к фактам и науке, вера во всемогущество аргумента в вопросах, которые можно решать только при помощи наблюдения, наконец, совершенно непомерное подчеркивание значения словесных различий и тонкостей»¹.

И действительно, понятия «исламская цивилизация» или «западная цивилизация» не удовлетворяют критериям научного знания. Они неэффективны для познания мира. Это «фантомные понятия», за которыми не стоит никакого когнитивного (познавательного) смысла. Александрия гораздо больше похожа на Марсель, чем на Каир, а Марсель гораздо больше похож на Александрию, чем на Париж. Фотографии Латакии до войны можно было спутать с фотографиями Ниццы, но что общего в Ницце и Руане? Триполи похож на Картахену, а Тартус на Севилью. Любимым жанром в ночных клубах Бейрута и Дамаска являются песни в стиле, который называется «Андалусия»².

¹ Рассел Б. История западной философии. <http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt35.htm>

² Гафуров С. Восток и Запад. <http://gafurov.narod.ru/vostok-i-zapad.html>

Но в научных работах постоянно говорят о принципиальной специфике Востока. Деление обществ на цивилизации и культуры не является, по нашему мнению, средством корректной исторической классификации. Вопрос о различиях и сходствах цивилизаций и культур, в том или другом их виде, дебатировался уже третье тысячелетие, причем эти абстрактные понятия по факту лежат вне эволюции. «Цвета спектра не эволюционируют, тогда как краски предметов линяют и меняются. И разумно, что мы оставляем известные общие понятия за бортом эволюции, так как это — самое лучшее средство осознать самую эволюцию».

С другой стороны, высшие приматы вида гомо сапиенс — животные по природе своей стадные, как и большинство других видов приматов (но не все — орангутаны живут поодиночке), живут они стаями, популяциями, и именно популяции эти и именуются национальностями. Рождаются же высшие приматы вида гомо сапиенс маленькими зверьками, ни к чему не способными, прежде всего, к самостоятельной жизни, воспитываются они родителями и своей стаей и популяцией, и полноценный процесс воспитания длится лет шестнадцать. При этом выживание разных популяций требует и разных навыков, так как деятельность популяций крайне разнообразна и обусловлена условиями внешней среды.

Следовательно, формирование личности в каждой популяции отличается от других и формирует яркие отличия, которые мы и называем национальным характером, а их совокупность (для упрощения описаний) цивилизацией или культурой.

Заставлять людей думать, что различия между популяциями людей эволюционируют к сходству, вместо признания того, что эволюция нередко идет от сходства к различиям, — мы не видим в дискуссии на эту тему ни малейшего смысла. Бертран Рассел в своей «Истории западной философии» писал о начальной стадии человеческого знания: «Казалось, что это знание получали, исходя из чистого размышления, не прибегая к наблюдению. Поэтому стали думать, что оно дает нам идеал знания, по сравнению с которым будничное эмпирическое знание несостоятельно. На основе математики было сделано предположение, что мысль выше чувства, интуиция выше наблюдения. Если же чувственный мир не укладывается в математические рамки, то тем хуже для этого чувственного мира. И вот всевозможными

способами начали отыскивать методы исследования, наиболее близкие к математическому идеалу. Полученные в результате этого концепции стали источником многих ошибочных взглядов в метафизике и теории познания. Эта форма философии начинается с Пифагора».

Действительное знание, говорит выдающийся русский стратег, «не может быть нейтральным; если оно ничего не может изменить в нашей системе действий, то, следовательно, оно лишено какого бы то ни было содержания. Если, переходя к практике, следует забывать о теориях, чтобы вырабатывать решение не книжное, а вырастающее из условий данного частного случая, то эта работа мышления становится плодотворной лишь благодаря точкам зрения, усвоенным предыдущими размышлениями и теоретическими занятиями».

Ближний Восток — понятие сложное, географически однозначно неопределенное. Существует своего рода консенсус, что это — Азия, которая начинается от Суэцкого канала и проливов Босфора и Дарданелл и заканчивается на границе между Ираком и Ираном. Но этот подход исключает большую (африканскую) часть Египта, и мне этот термин не нравится, я обычно пользуюсь термином «Ближний Восток и Северная Африка», то есть он включает в себя Египет и территории западнее его до Западной Сахары и Мавритании. Или применяю другой термин — Ближний и Средний Восток, где восточная граница проходит где-нибудь посреди Пакистана, то есть он включает в себя Белуджистан, Иран, Курдистан, а на север простирается вплоть до казахских степей или Средней Азии.

Интересно, что в этот регион включаются Турция, Палестина, Ливан. То есть очень важно понимать вещь, которую большинство людей нечетко осознают, — Ближний Восток это понятие, связанное не только с исламом, оно шире.

Но вторая часть Ближнего Востока была совершенно другой. Она развернута на Восток, на Индию, на Великий шелковый путь. Она начинается в Басре, — помните, оттуда Синдбад-мореход плавал, через персидские порты, в Доху, Манаму. «1001 ночь», созданная купцами-базарги в каирских кофейнях, восторгается не малоотличимым от тогдашнего Египта европейским Средиземноморьем, а Индией, Юго-Восточной Азией. Кстати, и сейчас Бейрут и Дубай совершенно не похожи друг на друга. Близнец

Бейрута — это Марсель, близнец Дубая — Шанхай или Сингапур. Да и вообще все большие города находят гораздо больше сходства между собой, чем с собственной сельской местностью. Калькутта больше похожа на европейский мегаполис, чем на бенгальскую деревню, а Нью-Йорк похож на Дубай, а не на деревеньки Аризоны. Отрывать Ближний Восток от европейского Средиземноморья — неразумно и нецелесообразно при анализе.

Вот эти две части были очень долго разъединены, и граница проходила примерно по Евфрату. Потом прорыли Суэцкий канал, и образовалась новая реальность. Новый Ближний Восток, который должен был расширяться.

Конфессиональная ситуация и политическая идеология на Ближнем Востоке

Разговаривая о межконфессиональных конфликтах на Ближнем Востоке, очень важно понимать вещь, которая зачастую не воспринимается большинством журналистов, рассказывающих об этих конфликтах, — вплоть до появления запрещенных в России Аль-Каиды и ИГИЛ противоречия между мусульманскими и христианскими общинами были существенно менее острыми, чем противоречия внутри ислама или внутри христианства.

Даже во время гражданской войны в Ливане, которую многие поверхностные журналисты и исследователи считали за конфликт между мусульманами и христианами, обе стороны рассматривали ее как чисто политическую (и частично социально-экономическую) борьбу, не носящую экзистенциальный, непримиримый характер. Религиозный антагонизм играл неизмеримо меньшую роль, чем проблемы государственного устройства, необходимость уничтожения пережитков кланового, феодального устройства общества и передел банковского рынка.

Как правило, культовые сооружения сторонами не уничтожались, а покушения на христианских и мусульманских клириков со стороны представителей других конфессий рассматривались обеими сторонами как крайне предосудительные вещи.

Однако внутри христиан и внутри мусульман покушения на религиозных деятелей встречались, достаточно вспомнить, как видный шиитский шейх Хуссейн Мурувва, вступивший

в коммунистическую партию и ставший виднейшим арабским марксистом, был убит шиитскими боевиками-экстремистами.

Последовательное появление примерно в одном регионе мира трех мировых религий — иудаизма, христианства и ислама, причем так, что более поздняя усваивала многие качества предыдущей, заставляет задуматься — в чем причина успеха и доминирования этих религий? Если мы примем сравнительно-исторический подход, то есть как бы взглянем со стороны на процесс поступательного развития религиозной мысли, то мы увидим одно общее свойство, которое может быть устойчивой объясняющей моделью.

В доиудаистические времена религия человека определялась его происхождением, и человек в общем случае не мог изменить религию своего рождения. Тот или иной город, та или иная община имели своих богов. Религия была гражданством, а гражданство определяло религию. Каждый верил в богов-предков и богов — покровителей своего города или селения.

Дохристианские римляне для усиления идеологического воздействия на верующих вновь присоединенных территорий просто включали в свой пантеон местных богов, но не имели возможности обратить завоеванные народы в свою веру.

Как результат появлялись и стихия разрозненных действий, и общий разброд в результате отсутствия планомерности, и перекрещивание намерений, порождавшие взаимно уничтожающиеся усилия. «Бог вложил в природу всех людей некоторые моральные ценности, — говорит (хотя и по поводу современного положения дел у ваххабитов) известный иранский аятолла, — и если какая-то религия призывает соблюдать эти моральные ценности только в отношении своих единоверцев, а не в отношении всех, то это означает, что Бог-создатель сначала включил в человека некоторые ценности, которые он потом в качестве Бога шарията приказывает уничтожить».

Фемистокл велел тогда объявить андросцам, что афиняне прибыли с двумя великими божествами — Убеждением и Принуждением, так что андросцам безусловно придется заплатить деньги. Андросцы же отвечали на это: «Действительно, Афины, должно быть, велики и богаты, если с такими благосклонными

богами преуспевают в жизни. Что же до них, андросцев, то они, напротив, крайне бедны землей и к тому же два ни на что не годных божества не покидают их острова, который стал даже их излюбленным местом пребывания. Это именно — Бедность и Беспомощность. С этими-то божествами андросцы не могут уплатить деньги: ведь могущество Афин никогда не превзойдет их немощи».

Геродот

Появлялись и новые боги, являя себя миру через бесчисленных пророков (это хороший бизнес — быть пророком, если не хочется работать руками или если ты младший сын и тебя лишили земельного участка). И исключительно велика важность правильно указанной, реально очерченной и освященной религиозной идеей цели для деятельности человеческих масс. И социальный разброд исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной пророком цели.

Но люди, последовавшие за новым пророком, тоже формировали замкнутые общины, в которых принадлежность к религии уже определялась только происхождением. Это было вызвано, как ни странно, проблемами земельных отношений. Даже появившиеся значительно позднее друзы (или мувахиды) в приверженной древним социальным понятиям горной сельской местности Ливана перешли к системе запрета на прозелитизм — друзом можно стать, только родившись от матери и отца — друзов. Верящие в переселение душ мувахиды считают, что каждой душе был предоставлен шанс приобщиться к религии друзов и для тех душ, которые отказались, врата истинной религии закрылись.

Еще характернее эта тенденция выражается в исламских общинах в целом языческой Индии, где пришедший с Запада ислам, завоевавший миллионы уверовавших под лозунгами кастового освобождения и победивший в рамках борьбы с заскорузлой кастовой системой, породил свои собственные замкнутые исламские касты — какая ирония судьбы! Но до поры, до времени везде, в том числе и в античном восточном Средиземноморье, человеку нельзя было сменить религию. В мирные времена это предопределяло религиозную толерантность

торговцев, горожан и имперских чиновников разных государств, в случае же конфликтов жестокость не знала границ и освящалась богами, как это хорошо видно из старых частей Ветхого Завета: «бог своих узнает» — говорили еще крестоносцы в Средние века.

Но вот появляется важнейший идеологический прорыв — еврейские пророки объявляют от имени еврейского бога, что необязательно убивать побежденных или — по большой милости — продавать их в рабство (это был величайший прорыв в развитии гуманизма) — еврейский бог разрешает им, пройдя длинную процедуру обучения и перевоспитания — гиюр, становиться полноправными евреями. И что? И сразу начинается экспансия иудаизма, невиданная до того на Западе (на Востоке к тому времени уже был буддизм). Он становится доминирующей религией, да так, что в 115 году победоносная война императора Траяна с парфянами была остановлена массовым восстанием иудеев, разрушавших (как пару столетий спустя христиане) языческие храмы и уничтоживших, по недостоверным сведениям античных историков, несколько сотен тысяч язычников. Восстание охватило обширные территории — оно началось почти одновременно в Египте, Киренаике, на Кипре и в Месопотамии.

Гиюр утомителен и унизителен, и тогда Иисус Христос говорит, что не нужно такого, достаточно простой процедуры крещения — и христианство в очень короткие сроки превращается из средства утешения для потомственных и пленных рабов (сердце бессердечного мира) в важнейший механизм управления империями (дух бездушных порядков), а затем и в инструмент разрушения великой античной средиземноморской цивилизации (опиум, который тогда считался обезболивающим лекарством, для обездоленных варваров-разрушителей). А еще пять веков спустя пророк Мухаммед, освоивший опыт несторианских христиан, уточняет (воды в Аравии мало), что не нужно тратить зря воду или искать в пустыне реки. Достаточно просто в присутствии двух свидетелей заявить, что веришь в то, что Бог один (для всех), а Мухаммед — один из множества его пророков, и готово! — ты уже равноправный мусульманин со всеми его правами и привилегиями.

В результате появления такого упрощенного механизма прозелитизма даже в условиях фактического отсутствия средств

связи между различными общинами коллективные действия людей и их общин упорядочиваются, появляются массовые целеполагания и целенаправленность действий, отдельные потоки человеческих действий, стремлений и мыслей сливаются в небольшие ручьи, текущие в общем направлении к цели и создающие в результате одно обширное течение. Усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание Богом и его пророками верной цели обуславливает бурный поток мыслей и воли, который меняет историческое лицо цивилизации, да и всего человечества как биологического вида.

Крест над Востоком

В отличие от широко распространенных, порожденных во многом Крестовыми походами предубеждений та территория, которая стала считаться мусульманскими землями на Ближнем Востоке, во многом предопределила историю христианства и, как показывает совсем недавний горький опыт с предоставлением Константинопольским (стамбульским) патриархом томоса украинцам и оппозиции этому решению со стороны Антиохийской (дамасской) патриархии, продолжает играть эту роль и сейчас. Жизнь народов древнего и средневекового Востока во многом определялась христианством и его прозелитизмом и подавлением сопротивления альтернативных местных культов, как языческих, так и даже почти монотеистических, и альтернативных христианских.

История христианской церкви на Востоке во всем ее кровавом разнообразии не просто неразрывно связана с политической и культурной историей народов Ближнего Востока и Среднего Востока и Средней Азии, но во многом предопределила ее или, по меньшей мере, стала ее олицетворением.

Христианская традиция относит начало распространения христианства от берегов Средиземного моря на Восток к первым векам нашей эры, а «влияние христианской религии в странах Ближнего и Среднего Востока сохранялось, — как отмечает А. Б. Никитин, — и в эпоху господства ислама — в начале XI в. Бируни отмечает, как много христиан среди жителей Сирии, Ирака и Хорасана»³. Например, из пяти великих патриарших престолов три находятся на Ближнем Востоке, один в Африке (Александрийский) и только один на дальнем юге Европы (в Риме). Блаженный Августин, скажем, родился в Алжире, учился и преподавал в Карфагене (Тунис) и был епископом в Гиппоне (в Алжире). Тертуллиан родился и умер в Карфагене. Основатель монашества Афанасий Великий Александрийский — в Египте. Иоанн Дамаскин — в Дамаске, вообще многие выдающиеся представители Церкви получали к имени приставку «Сирин»: Ефрем Сирин, Исаак Сирин. Каппадокийские отцы церкви святые Василий Великий, Григорий Богослов и

³ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). www.church.uz, 2007.

Григорий Нисский родились в Каппадокии на Востоке Малой Азии. О святителях Кирилле Александрийском или Диоскоре Антиохийском говорят их имена, и можно перечислять еще много-много других имен.

Беспощадное железом и кровью уничтожение язычества и бесконечные кровавые конфликты между различными ветвями христианства были отражением социального развития местных обществ в период перехода от Античности к Восточному Средневековью и хоть частично смогли быть остановлены только после стабилизации местных обществ под властью исламских правителей.

Но и до сих пор внимательное изучение агиографии (жизни святых) мучеников коптской — монофизитской (или, как сейчас говорят некоторые православные богословы «при должностях», монофелитской) — церкви, а у египетских христиан мученический подвиг во многом является гарантией выживания их общины в мусульманском окружении, не может не вызывать удивления.

Коптские мученики, если верить монофизитским источникам, страдали в основном не от произвола или жестокости мусульманских владык (которых коптские агиографы изображали, не без определенной доли симпатии, как старающихся быть справедливыми, в принципе добросердечных, но недалеких и доверчивых людей), а от коварства и подлости православных христиан (и иногда евреев), вкравшихся в доверие к простоватым омеядским, аббасидским, фатимидским халифам или мамлюкам и турецким губернаторам. Но коптским мученикам во время страданий открывалось видение Царствия Небесного, и пока они повторяли победу Христа над смертью, их православные гонители были обречены на вечные муки. Так нам рассказывают коптские агиографы. Верить им необязательно.

Лютость внутрехристианских конфликтов и по сей день потрясает. До сих пор наши православные братья ежегодно в День торжества православия проклинаят, скажем, умершего в 336 году (это не опечатка — не в 1336 году, а в 336 году!) Ария. Вряд ли это простое злопамятство, не очень вроде бы свойственное православной доктрине — не очень разумно полтора тысячелетия проклинать неплохого, судя по сохранившимся сведениям, и харизматичного мыслителя только за его идею, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru